

© 2022

Юрий Павленко

доктор экономических наук, профессор,

главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: yurpavl83@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

В статье рассматриваются состояние и проблемы развития современного социального государства, анализируются проблемы социального неравенства и факторы его определяющие. В качестве базовой, экономической основы социального государства рассматривается экономика знаний и формирование новых производственных отношений. Исследуются модели социального государства и их классификация. Социальное государство рассматривается как важнейшая характеристика современного государства, неотъемлемое условие экономического и социального благополучия общества.

Ключевые слова: социальное государство, патернализм, социальное неравенство, производственные отношения, экономика знаний, инновационная экономика, гражданское общество.

DOI: 10.31857/S020736760018272-8

Актуализация проблематики социального государства во многом определяется его состоянием, которое часто определяется как кризисное. Вместе с тем социальное государство как социальный феномен в современных условиях выступает в качестве важнейшей характеристики самого государства, неотъемлемой частью его экономического и социального благополучия. Данное обстоятельство определяется ростом роли и значения государства в экономике и обществе. Все чаще современное государство, учитывая растущие масштабы его функций, определяется как патерналистское государство. Именно данное обстоятельство во многом определяет долгосрочные тренды в развитии и социального государства.

Настоящая работа опирается на положение, что развитие социального государства невозможно отделить от эволюции производственных отношений. Также мы исходим из положения, что производственные отношения во многом сами опираются на воспроизводственный фактор, определяются и соотносятся с научно-техническим развитием, с тем, что получило название «экономика знаний» или инновационная экономика. Наконец существенное воздействие на социальное государство оказывает человеческий фактор, человеческий потенциал как через экономику, в качестве определяющей части экономического потенциала страны, так и через гражданское общество, субъектом которого все чаще выступает «человек культурный» во всей совокупности

его культурно-исторического своеобразия. Мы исходим из того, что производственные отношения, воспроизводственный фактор, включающий человека, служат экономической основой развития современного социального государства.

Состояние и проблемы. Концепция социального государства утвердилась в Западной Европе под влиянием двух основных факторов: как один из результатов Второй мировой войны и как проявление разочарования в либеральной модели управления экономикой. После Второй мировой войны начался качественно новый этап в развитии теории социального государства — возведение ее положений в конституционные нормы в ряде европейских стран.

Говоря о современном состоянии социального государства в рамках государственного патернализма и тех вызовов, перед которыми оно находится, следует вспомнить о его несомненных достижениях и положительном вкладе, который оно внесло в общественное развитие. В экономической области речь может идти о внедрении и отстаивании ценностей и стандартов, связанных с воспроизводством рабочей силы и, соответственно, человеческого потенциала. Это позволило обеспечить резкое повышение качества трудового потенциала и в целом роли фактора труда как важнейшего условия роста общественного производства. В социальной сфере социальное государство способствовало ограничению чрезмерного неравенства в области распределения доходов, улучшения жилищных условий, доступности здравоохранения и образования, что, в конечном счете, послужило основой социальной стабильности в обществе [2. С. 26–28].

Несмотря на положительное в целом отношение к социальному государству, начиная с 80-х годов прошлого века наблюдаются кризисные явления в его функционировании. Непосредственное свое отражение они находят на рынке труда, на поведении его участников. Наблюдаются изменения в сфере труда, помимо прочего, предполагающие ограничение индексации заработной платы, децентрализацию коллективных переговоров, а также меры по увеличению гибкости занятости, многие из которых не столько генерируют создание рабочих мест, сколько способствуют росту «неустойчивости» рынка труда и стагнации трудовых доходов. Наконец внедряется режим «социальной экономии», отказ от распространения патерналистской активности государства на всех членов общества и переход к государству участия [12. С. 105]. Перечисленные процессы негативно отражаются на социальной стабильности и интеграции общества.

Кроме того, новые острые проблемы поставил перед социальным государством мировой экономический кризис 2008–2010 гг. Очевидно, существуют глубинные причины кризисных явлений, среди которых прежде всего хотелось бы обратить внимание на воспроизводственный фактор, ведущий, в частности, к росту социального неравенства. Ссылаясь на известного

немецкого социолога Роберта Курца, Ф. Джеймисон отмечает, что ситуация в мировой экономике характеризуется тем, что в период позднего капитализма оказалась утраченной его способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле, посредством индустриализации и капиталовложений, как это было в предыдущий период [4. С. 214].

Одновременно с производством происходят изменения и в социально-экономической структуре. Отмечая, что в развитых странах едва ли не более половины экономически активного населения заняты в финансах, охране и развлечениях, П. Ореховский задается риторическим вопросом: «Может ли это существовать без изъятия и перераспределения ценности»? [8. С. 34–36].

Следует указать и еще на одну фундаментальную причину кризиса социального государства. Речь идет о том, что в условиях новых исторических вызовов патерналистское государство продолжало по-прежнему ориентироваться по преимуществу на устранение провалов рынка, утрачивая постепенно способность определять общие интересы, формулировать установки развития, что и предопределило реальные угрозы потери общественного благосостояния [1. С. 56].

Негативное воздействие на состояние социального государства оказывает рост социального неравенства, проблема, требующая всестороннего исследования. В этой связи определенный интерес может представлять исторический опыт США и теоретическое осмысление проблемы американскими учеными.

Исследуя опыт США в решении проблемы неравенства и создания многочисленного среднего класса в последние сто лет, американский экономист Пол Кругман отмечает решающую роль политических условий в формировании уровня экономического неравенства и, ссылаясь на большое число исследований, выделяет следующие обстоятельства.

Тестируя свою гипотезу с помощью международных сравнений, П. Кругман исходит из предпосылки, что если рост неравенства в основном определяется объективными рыночными силами, то есть факторами, связанными с техническим прогрессом и глобализацией, то изменения в степени неравенства должны были бы быть схожими во всем развитом мире. Но факты показывают, что нигде в развитом мире нет такого роста неравенства, как в США. Во времена М. Тэтчер в Великобритании резко усилились диспропорции в доходах, но они были гораздо меньшими, чем в США. В континентальной же Европе и Японии неравенство если и выросло, то незначительно [17]. Следовательно, делает вывод Кругман, все дело в политических подвижках [6. С. 13–15].

Отметим, что к сходной с П. Кругманом мыслительной парадигме в том, что касается важности «неэкономических» факторов в экономической политике, можно отнести и высказывание академика В.М. Полтеровича, относящееся уже к российской действительности. По его словам, «шоковый характер программы расширения или сужения госсектора в отсутствии проектов

и чрезвычайных обстоятельств является признаком того, что она мотивирована скорее идеологической, административной или политической борьбой, нежели стремлением ускорить экономический рост» [10. С. 40].

Что касается опыта России, то отметим то обстоятельство, что неравенству как правило сопутствует бедность населения. Сегодня в России, где уровень неравенства один из самых высоких в мире, снижение уровня бедности официально признается в качестве наиболее актуальной задачи. Вместе с тем, по словам известного российского экономиста, бывшего директора Института экономики РАН, Е.И. Капустина, задача обеспечения всему населению доходов не ниже прожиточного минимума или официального уровня бедности — это задача лишь ухода от крайней нищеты и не может быть социальной целью нашего общества на перспективу, которая заключается в обеспечении достойной жизни всему российскому населению [5. С. 71]. Следует согласиться с утверждением Е.И. Капустина, что «заниженность прожиточного минимума — это искусственное снижение порога бедности и уменьшение численности населения, относимого на основе этого критерия к беднякам» [5. С. 76]. Представляется очевидным, что уровень бедности, определяемый нынешним прожиточным минимумом, строго говоря таковым не является. Скорее речь может идти лишь об уровне физического выживания человека, то есть об уровне нищеты. Соответственно официальная статистика масштабов бедности в России фактически занижает реальную ее величину. Не случайно в литературе все чаще встречаются предложения поднять величину прожиточного минимума и, соответственно, минимальную зарплату работников примерно в два раза — то есть до предполагаемого реального уровня бедности.

Социальное государство и экономика знаний. Перераспределение — одна из основ социального государства в рамках государственного патернализма. Другой основой служит производство, то есть создание материальной базы благосостояния.

Вызовы, перед которыми стоит современное социальное государство, ряд экспертов связывают с «утраченной способностью к производству новой прибавочной стоимости» [4. С. 214]. Нам представляется, что восстановление данной способности рыночной экономики в современных условиях и организационных формах возможно лишь с опорой на инновационную экономику или экономику знаний и связанное с ней развитие человеческого потенциала.

Способность обеспечивать экономический рост в рамках современной экономики знаний определяется, прежде всего, состоянием научного потенциала и наличием механизмов его эффективного использования. Для оценки состояния научного потенциала в той или иной стране и международных сопоставлений с точки зрения его финансовой составляющей используется показатель наукоемкости, данные по которому представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Затраты на исследования и разработки в процентах к валовому
внутреннему продукту: 2017 г.**

Израиль	4,25
Республика Корея	4,23
США	2,74
Китай	2,11
Россия	1,11
Турция	0,94
Польша	0,97
Украина	0,48

Источник: Индикаторы науки: 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

На фоне других стран тревожно выглядит скромный показатель наукоёмкость в России, учитывая то обстоятельство, что в Советском Союзе наукоёмкости ВВП была одной из самых высоких в мире. По данному показателю мы находились на уровне США. В период радикальных реформ его величина в России снизилась почти в 3 раза. В какой-то степени, возможно, данное положение отражает некоторый негативный среднемировой тренд. Так, в последние годы все чаще в литературе встречается утверждение о том, что современные технологии основываются и, можно сказать, эксплуатируют научные достижения фундаментальной (и не только) науки прошлого. Как следствие, речь может идти о замедлении научно-технического прогресса, о недостатке новых прорывных открытий, которые могли бы в будущем стать основой ускоренного развития экономики [9. С. 57].

Учитывая отставание современной России в области научно-технического развития, практическое значение наукоёмкости ВВП не только в качестве информационного, но и нормативного показателя не только сохраняется, но и возрастает. Следует согласиться с положением, что без мощной государственной активности в решении задач инновационного развития не обойтись. Это подтверждается и опытом других стран, добившихся успеха и вышедших на траекторию инновационного роста, которые сделали это благодаря активному участию и поддержке государства [7. С. 35].

В современной специальной литературе все чаще звучит аргументация в пользу тезиса, что экономика знаний формирует новые производственные отношения. Так, развивая анализ корпоративной технoструктуры, термин, как известно, предложенный Дж. К. Гэлбрейтом, К.А. Хубиев рассматривает отношения собственности в рамках корпораций. Инновационная деятельность, результатом которой является приобретение конкурентных преимуществ, и получение дополнительных источников дохода, по мнению К.А. Хубиева, не может вписаться в социальные рамки наемного труда. Ее природа требует

принципиально иных отношений, предусматривающих соучастие в процессе и распределении результатов со стороны участников экономических отношений [11. С. 128–130]. При этом данные, новые отношения согласуются с тезисом Дж. К. Гэлбрейта, что «власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен и который труднее всего заменить» [3. С. 95].

Развитие экономики знаний, новая роль и положение труда как субъекта инновационной деятельности объективно закладывают институциональные основы интеграции социального государства и инновационной экономики. Инновационная экономика, опираясь на новые производственные отношения, создает тем самым более прочные экономические основания для развития социального государства.

Модели. Говоря о моделях социального государства, следует, по-видимому, согласиться с точкой зрения, что нет единой модели социального государства для разных стран и что она во всех странах разная, в каждой стране своя уникальная система социальной защиты, социальной политики и что каждое из государств представляет собой социальное государство *suí generis* (единственное в своём роде), которое как таковое является продуктом исторических, политических, культурных и экономических факторов [18].

Вместе с тем многообразие моделей социального государства само по себе не отрицает возможности и даже необходимости попыток их «модельной» классификации. Одну из таких попыток предпринял в книге «Три мира капитализма благоденствия», датский социолог Гёста Эспинг-Андерсен (Gøsta Esping-Andersen). Эспинг-Андерсен выделяет три разновидности государства всеобщего благосостояния. Для их характеристики и различения он предлагает параметры, характеризующие уровни декоммодификации, затем стратификации общества, и наконец степень государственного вмешательства (интервенции). На основе данных параметров ученый выделяет три типа (режима) современного государства всеобщего благосостояния [13. Р. 23–29].

К первому типу, или, по выражению Эспинг-Андерсена, кластеру, относится «либеральное» государство всеобщего благосостояния, где льготы предназначены в основном для реципиентов с низкими доходами, в основном относящиеся к рабочему классу, так называемым, «иждивенцам государства». В этой модели масштабы социальных реформ строго ограничены традиционными, либеральными нормами трудовой этики. Пределы благосостояния равны предельной склонности выбирать благосостояние вместо работы. Поэтому правила предоставления прав являются строгими и часто ассоциируются со стигмой, осуждением. При этом государство стимулирует рынок либо пассивно – гарантируя реципиентам только минимум, либо активно – путем субсидирования частных программ социального обеспечения.

Данная модель сводит к минимуму эффекты декоммодификации, устанавливает порядок стратификации, который представляет собой смесь

относительного «равенства в бедности» среди получателей государственной помощи и рыночно дифференцированного благосостояния для большинства. Между обозначенными группами устанавливается классово-политический дуализм. Архетипическими примерами этой модели выступают Соединенные Штаты, Канада и Австралия.

Вторая, консервативно-корпоративистская модель объединяет такие страны, как Германия, Австрия, Франция. Здесь историческое наследие «корпоративистов-этатистов» было модернизировано, чтобы приспособиться к новой «постиндустриальной» классовой структуре. В консервативных, «корпоративистских» государствах всеобщего благосостояния, по словам Эспинг-Андерсена, либеральная одержимость рыночной эффективностью и коммодификацией никогда не была преобладающей. Преобладало сохранение различий в статусе и правах, которые были привязаны к классу и статусу. Корпоративизм был включен в систему государственного строительства, призванного заменить рынок в качестве основного источника благосостояния. Что касается корпоративной социальной политики, то она предусматривает отдельные социальные программы для различных профессиональных и статусных групп в зависимости от трудового вклада.

Наконец, третий, социал-демократический модельный кластер, в рамках которого социал-демократы скандинавских стран стремились в условиях государства всеобщего благосостояния способствовать равенству в отношении высших стандартов, в отличие от равенства минимальных потребностей.

Наиболее показательной характеристикой социал-демократического режима является сочетание благосостояния и труда. Речь идет о приверженности к обеспечению полной занятости. Право на работу имеет такой же статус, что и право на доход. Данная система предполагает минимизировать социальные проблемы и максимизировать доходы трудящихся.

В скандинавской модели, в частности в Швеции, по мере того как государство всеобщего благосостояния «лишает» семьи многих функций по уходу за детьми и домом, оно способствует развитию спроса на дополнительные социальные услуги. Конечным результатом стала почти полная занятость как среди мужчин, так и среди женщин. Возник самоподдерживающийся механизм, посредством которого расширение рабочих мест в государстве всеобщего благосостояния поощряло женщин и одиноких родителей выходить на рынок труда [14. Р. 184]. Отметим, что ни одна из альтернативных социал-демократических моделей не декларирует полную занятость в качестве обязательства со стороны государства.

В современных условиях финансирование государства всеобщего благосостояния осложняется из-за высокой мобильности капитала, фискальных и бюджетных ограничений, которые усиливают такие факторы как старение населения, европейская валютная интеграция, сопротивление высоким

налогам со стороны влиятельных политических сил. В ответ на современные вызовы реакцией шведской модели социального государства является движение в сторону более либеральных решений, связанных с развитием гражданского общества, при которых некоторые обязанности и ответственность, до сих пор возлагающиеся на государственную администрацию, начинает брать на себя само общество. Благодаря этому граждане чувствуют себя в большей безопасности, поскольку они сами участвуют во власти и имеют реальное, часто прямое влияние на направления развития общества [16].

Как видно из данных таблицы 2, в англосаксонских странах доля государственных расходов к ВВП существенно ниже, кроме того, практически во всех представленных в таблице странах наблюдается повышение доли госрасходов в ВВП в периоды циклических спадов. Это с наибольшей силой проявилось в 2008–2009 гг.

Таблица 2

**Государственные расходы (% ВВП)
по типам социальных государств**

Годы	Либеральный				Консервативно-корпоративистский					Социал-демократический				
	Великобритания	США	Австралия	Канада	Австрия	Бельгия	Франция	ФРГ	Италия	Нидерланды	Дания	Финляндия	Швеция	Норвегия
2001–2007	36,7	33,4	34,9	39,5	51,1	49,4	52,7	45,8	47,1	42,2	51,9	47,7	51,3	42,8
2008	40,5	37,0	35,1	38,8	49,9	50,3	53,3	43,6	47,8	42,3	50,4	48,3	49,0	39,6
2009	44,1	41,1	37,8	43,4	54,1	54,2	57,2	47,6	51,2	46,7	56,5	54,8	51,7	45,4
2010	44,5	39,6	37,0	43,1	52,8	53,3	56,9	47,3	49,9	47,0	56,7	54,8	49,7	44,3
2011	43,2	38,6	36,3	41,6	50,9	54,5	56,3	44,7	49,4	46,0	56,4	54,4	49,2	43,1
2012	43,3	37,0	36,6	40,9	51,2	55,9	57,1	44,3	50,8	45,9	58,0	56,2	50,2	42,3
2013	41,4	35,5	36,5	40,0	51,6	55,8	57,2	44,7	51,1	45,7	55,8	57,5	50,9	43,3
2014	40,5	35,0	36,8	38,4	52,3	55,3	57,2	44,0	50,9	44,9	55,2	58,1	50,1	45,1
2015	39,7	34,6	37,4	40,0	51,0	53,7	56,8	43,7	50,3	43,8	54,5	57,1	48,7	48,0
2016	38,9	35,0	37,4	40,6	50,2	53,0	56,6	43,9	49,0	42,8	52,7	55,9	48,8	49,9
2017	38,4	34,8	36,4	40,3	49,0	52,2	56,5	43,9	48,9	42,6	51,2	54,0	48,4	49,1
2018	38,3	35,1	36,8	40,6	48,5	52,1	56,2	43,9	48,5	42,4	52,2	52,8	48,7	47,7
2019	38,3	35,7	37,4	40,7	47,8	51,9	55,7	44,3	49,2	43,4	52,1	52,1	48,8	47,8
2020	38,2	35,9	36,6	40,7	48,2	51,8	54,4	44,3	49,9	43,5	51,7	51,8	49,0	47,4

Источник: Клинова М.В. Государство-покровитель: социальное государство на перепутье // Современная Европа. 2019. № 2. С. 151–162.

Хотелось бы надеяться, что эволюция современных патерналистских государств будет развиваться в направлении социал-демократической модели социального государства. Актуальность и желательность такого вектора развития разделяют многие экономисты и социологи, в частности, Дж. Стиглиц. Последний в рамках своей концепции, именуемой «прогрессивный капитализм», формулирует некоторые направления выхода из кризиса современного социального государства, которые предполагают среди прочего, во-первых, восстановление баланса между рынком, государством и гражданским обществом. Государство при этом обязано ограничивать и формировать рынки. Во-вторых, «прогрессивно-капиталистические» реформы, по словам Стиглица, должны начинаться с сокращения влияния денег в политике и уменьшения неравенства в распределении богатства [19].

В заключение отметим, что среди экспертов, исследующих феномен социального государства, в рамках государственного патернализма, доминирует представление, которое мы также разделяем, что социальное государство — это не проблема выбора той или иной политики, которую мы можем принять или отклонить, и речь не идет только о послевоенном периоде. Социальное государство или государство всеобщего благосостояния — важнейшая характеристика современного государства, неотъемлемая часть экономического и социального благополучия современного общества. Это то, что социолог Эмиль Дюркгейм назвал «нормальный социальный факт», или функционально важный и неотъемлемый элемент существования социума и его благополучия [15. Р. 146].

Модели социального государства могут принимать самые разные формы. Но при этом, говоря о социальном государстве, мы имеем в виду не только и не столько благосостояние бедных. Речь идет о социальном страховании, социальных правах, социальном обеспечении и социальном регулировании экономической деятельности. Главными бенефициарами такого государства являются не бедные, а средний класс и занятые.

Социальное государство связано не только с государством или государственными учреждениями, хотя его программы законодательно закреплены и финансируются государством и зависят по большей части от налогообложения и правового принуждения. Услуги и льготы, предоставляемые в рамках этих программ, необязательно должны создаваться и предоставляться государством. Речь идет о своеобразных механизмах государственно-частного партнерства.

Наконец, следует подчеркнуть, что современное социальное государство подвергается вызовам, связанным с глобализацией, кризисными явлениями в мировой экономике. Ответы на эти вызовы мы видим в возможностях потенциала социал-демократической модели, в ее поступательном и последовательном развитии, в активности гражданского общества, во всестороннем развитии человеческого потенциала и экономики знаний.

Литература

1. *Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна // М.: ИЭ РАН. 2018.
2. *Галкин А.А.* Социал-демократия у развилки / Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления» // М.: Ключ-С. 2010.
3. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество // М.: АСТ. 2004.
4. *Джеймисон Ф.* Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3(48). С. 208–246.
5. *Капустин Е.И.* Уровень, качество и образ жизни населения России // М.: Наука. 2006.
6. *Кругман П.* Кредо либерала // М.: Европа. 2009.
7. *Ленчук Е.Б.* Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. №1. С. 27–39.
8. *Ореховский П.А.* Старые дискуссии на новый лад и скука экономической науки / Гетеродоксальная экономика и экономический. Сборник тезисов докладов участников XIV Пушкинского симпозиума по эволюционной экономике. Отв. ред. С.Г. Кирдина-Чэндлер, В.И. Маевский // М.: ИЭ РАН. 2021. С. 34–36.
9. *Павленко Ю.Г.* Экономические проблемы научно-технического прогресса в исследованиях института экономики РАН // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 2.
10. *Полтерович В.М.* Приватизация и рациональная структура собственности // М.: ИЭ РАН. 2012.
11. *Хубиев К.А.* Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд? / Гэлбрейт: возвращение. Монография под. ред. Бодрунова // М.: Культурная революция. 2017. С. 114–156.
12. *Шестакова Е.Е.* Современное социальное государство: патрон или помощник? // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2.
13. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism // Polity Press. Cambridge. 1996.
14. *Esping-Andersen G., Duncan G., Hemerijck A., Myles J.* Why We Need a New Welfare State // Oxford University Press. 2002.
15. *Garland D.* Welfare State: A Very Short Introduction // Oxford University Press. New York. 2016.
16. *Lieder W.* Szwecja – opiekuńcze państwo dobrobytu URL: <https://www.academia.edu/8318047> (дата обращения 02.12.2021).
17. *Piketty T., Saez E.* The Evolution of Top Incomes: A Historical and International Perspective (National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 11955, January). 2006.
18. *Rustemi A.* The ideology behind the welfare state // International Journal of Scientific & Engineering Research. 2013. Volume 4. Issue 2. February.
19. *Stiglitz J.* After Neoliberalism Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/after-neoliberalism-progressive-capitalism-by-joseph-e-stiglitz-2019-05>. (дата обращения 02.12.2021).

Yuri Pavlenko (e-mail: yupavl83@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

ECONOMIC FOUNDATIONS AND MODELS OF A WELFARE STATE IN THE CONTEXT OF STATE PATERNALISM

The article examines the actual condition and development problems of the modern welfare state, analyzes the problems of social inequality and its determining factors. The knowledge economy and the formation of new industrial relations are considered as the economic basis of the welfare state. The models of the welfare state and their classification are investigated. The welfare state is regarded as a paramount of the modern state, an integral provision for the economic and social well-being of society.

Keywords: welfare state, paternalism, social inequality, relations of production, knowledge economy, innovative economy, civil society.

DOI: 10.31857/S020736760018272-8